

испытания и страдания жизни, ибо все есть повод к благодарению и прославлению Бога: «Благословен Ты, Господи, за тех, что прощают из любви к Тебе и переносят немощи и скорби»; просветлена и самая смерть: «Laudato si, Monsignore, per sora nostra morte corporale» (Cantico del Sole) — «Благословен Ты, Господи, за сестру нашу телесную смерть». Ибо, охваченный любовью ко Христу — единым содержанием и центром всей его внутренней жизни — Франциск в Нем воспринял мир, и братьев, и все твари, и всю жизнь, и самую смерть, переживая заново слова ап. Павла: «Для меня жизнь — Христос и потому самая смерть — приобретение» (Флп. 1: 21).

Характерна, так как она указывает на самые основные глубины жизни Франциска, следующая черта, приведенная в его биографии: «Он никогда не мог слышать выражения *любовь Божия* без того, чтобы не пережить какое-то внутреннее изменение: ибо, услышав их, он был как бы внезапно возбужден, приведен в движение, воспламенен, как если бы внутренние струны его сердца были приведены в звучание». «Сколь должны мы, — так говорил он, — возлюбить любовь Того, Который столь возлюбил нас».

«Поэтическая непосредственность», почти «наивно-народная» свежесть восприятия (под этим углом некоторые исследователи и писатели были склонны — иногда довольно односторонне — воспринимать жизнь св. Франциска) и вместе с тем — огромная мудрость и зрелость духовная, несокрушимая энергия и радостная суровость подвига, простота (но глубокая, основная, вытекающая из чистоты сердца и высоты духовной) и смирение, любовь Божия, охватившая его существо и изливающаяся на окружающих, преображение творения в лучах Божиих — все это вытекает из укоренения всего религиозного опыта Франциска в снисшедшем на землю Сыне Божиим.

«Откровения Божественной Любви» Юлиании из Норича

1

В «Откровениях Божественной Любви» Юлиании из Норича мы имеем один из величайших, наиболее чистых и глубоких в своей трогательной простоте, перлов мистической литературы средневекового Запада. Мало того — среди памятников всей христианской мистики

вообще, эти откровения смиренной и малоученой английской затворницы XIV века имеют право занять одно из центральных мест: ибо характерные черты именно *христианской* мистики, то, что является основой ее своеобразия и ее столь яркого отличия от других — внехристианских мистических переживаний, сказались здесь с чрезвычайной силой и выразительностью. Своеобразность христианского мистицизма, являющегося вместе с тем и одним из проявлений общечеловеческой мистической потребности и вытекающего из тех же глубин нашей духовной жизни, в которых зарождаются, напр., и высшие проявления мистики Плотина или мистики Индии, — заключается в том, что центром всего устремления, высшей целью, высшим объектом является конкретная, историческая, человеческая личность Иисуса Христа, в Котором воплотилась, открылась «вся полнота Божества». Бог открылся в Иисусе, Сыне Своем, Богочеловеке; в Иисусе Христе *все содержание* проповеди христианства, к Нему сводится *вся христианская мистическая жизнь* — к участию в Его страданиях и подвиге, в Его любви, в Его радости, Его прославлении и победе.

Павел избрал «ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2: 2). Он «все почел за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3: 8). Везде, где христианство, христианская мистическая жизнь раскрывается во всей полноте и подлинности, она целиком может быть сведена к восприятию Христа, к слиянию с Ним в одну органическую жизнь. «Пребудьте во Мне и Я в вас; как ветвь, не может приносить плода сама собой, если не пребудет на лозе, так и вы, если не пребудете во Мне», — такие слова один из самых ранних памятников христианской мистической жизни — Евангелие от Иоанна — влагает в уста самого Христа (15: 4). Бог истинно раскрывается лишь через Него: «Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня», — Он есть единственный, исключительный, имеющий всеобщее-мировое, космическое значение, «Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14: 6). И таким Путем, такой Жизнью и Центром Он остался и для последующего христианства в его высших, углубленных, наиболее горячих, наиболее исполненных любовью и духовной силой и подъемом, мистических переживаниях. Таковы переживания, напр., и Игнатия Богоносца, и Макария Египетского, и авторов песнопений Страстной Седмицы Православной Церкви, и Симеона Нового Богослова; а на Западе так живут и проповедуют Франциск Ассизский и Якопоне да Тоди, Сеусе и Рейсбрук¹, Екатерина Генуэзская и испанские мистики, как в России, напр., Димитрий Ростовский или Тихон Задонский, как многие и многие другие во всем христианском мире. Ибо названные имена — лишь случайно выхваченные нами яркие

примеры, достаточные, однако, чтобы иллюстрировать ту основную тенденцию, основную стихию, которая их вскормила, и которую они собой представляют. Так и мистическая сторона церковного богослужения, с Таинством Евхаристии во главе, всецело сосредоточивается, центрирует в личности страдающего и воскресшего Богочеловека. Правда, есть иногда и как будто чуждые христианскому духу, безлично-пантеистические струи в переживаниях и у некоторых христиан — созерцателей Высшей Жизни: так, напр., нередко у Мейстера Экхарта²; но постольку эти переживания, приближающиеся к мистике Плотина, и не являются адекватными выражениями *христианского* мистицизма. Ибо — повторяю — вся высшая, истинная, внутренняя и органически-существенная, вся основная, изначальная и действенная жизнь христианства, в ее наиболее чистых и глубоких проявлениях, *сводится к Иисусу Христу*, к восприятию Его личности, к переживанию Его жизни. И одним из классических примеров этого и может как раз служить маленькая книжка Юлиании из Норича — безыскусственная передача тех «Откровений Божественной Любви», которые она пережила в своей келье в конце XVI века *, и которые легли в основу всей ее дальнейшей внутренней жизни.

Центром ее мистического опыта является восприятие личности и страданий Христовых. Юлиания различает при этом ** более внешнее, образное видение и чисто-духовное, безобразное, глубоко-внутреннее созерцание, в котором раскрываются ей великие глубины любви Божией, озаряющие смысл Искупления, отношение Бога к миру, конечные судьбы мира и человека. Образное видение (весьма несложное, простое и сдержанно-трезвенное во всем комплексе своих образов) идет при этом рука об руку с этим нечувственным, повышено-духовным озарением.

С большой яркостью встает перед умственным взором Юлиании картина мук Христовых и глубоко — до основания потрясает душу:

«Я узрела сей сладостный лик сухим, бескровным и бледным от дыхания смерти (*dry and bloodless with pale dying*); затем еще более бледным — в агонии; затем бледность перешла уже в синеватость; наконец, синева еще усилилась — по мере того, как плоть все более охватывалась смертью... Это было тяжелой переменной — лицезреть это глубокое умирание (*This was a heavy change — to see this deep dying*).

И ноздри также изменились и высохли на моих глазах. Это была долгая агония; казалось мне, будто Он семь ночей умирает, все время в страданиях. И это высыхание плоти Христовой было — думалось мне — самой

* Главные откровения были ей в 1373 году.

** См. гл. VII и XXIII.

тяжкой мукой изо всех Его мук, и последней. И в этом иссушении плоти пришло мне на память слово, которое Христос сказал: “Жажду”. Ибо я видела во Христе двойную жажду — одну телесную, другую духовную...

Что касается телесной жажды, то я поняла, как все тело Его жаждало, лишённое всякой влажности. Ибо пречистая плоть и кости были оставлены одни — без крови и соков. Пречистое Тело долгое время иссыхало... с отяжелением головы и тяжестью во всех членах; ветер дул снаружи, который все более иссушал и мучил Его холодом — более, чем мое сердце может помыслить. И в сравнении со всеми прочими муками Его, которые я видела, все, что я могу сказать или передать, слишком мало, ибо сие не может быть передано словами; но всякая душа, согласно слову св. Павла, должна ощущать это в себе во Христе Иисусе.

Это лицезрение мук Христа исполнило меня муками... Тогда я поняла хорошо, о каком страдании я молила Бога; ибо мне казалось, что мои муки превосходят всякую телесную смерть. Я подумала: “Есть ли какая мука в аду подобная этой муке?”... Ибо как могло бы какое-либо страдание мое быть более тяжким, чем видеть Его, в котором — вся моя жизнь, все мое блаженство и вся радость моя, страждущим?..

Здесь я увидела большое единение между Христом, и нами; ибо когда Он страждет, мы страждем*.

Юлиания предпочла состраждать душою со Христом, чем отворачивать взор свой от Его распятия для созерцания небесных радостей. Ибо радость для нее — в близости Иисуса, и участие в Его муках дороже, чем всякое блаженство без Него. «Я лучше бы желала остаться в этом страдании до Судного дня, чем достичь неба иначе как чрез Него»... «Таким образом, я избрала своим небом Иисуса, которого в это время я видела только в муках... И это было всегда утешением для меня, что я избрала Иисуса своим небом во всякое время... и в радости и в горе». Она продолжает созерцать Его страшные крестные муки, и ей открывается, что основание их и смысл и двигающая сила их — в любви. Страдания, унижения Сына Божия безмерны, невыразимы, превосходят всякое постижение. «Впрочем, любовь, которая заставила Его претерпеть все это, она настолько же превосходит Его страдания, насколько небо выше земли. Ибо страдания Его были делом, совершенным во времени, действием любви; но Любовь была искони, без начала, и пребывает, и всегда пребудет — бесконечно»**.

«И внезапно, как я увидела на том же кресте, вид Его изменился на радостный». И она слышит обращенные к ней слова Распятого, доносящиеся со Креста: «Довольна ли ты, что Я пострадал за тебя?» —

---

* Гл. X.

** Гл. X–XI.

«Да, благий Господи, — ответила я — благодарю Тебя, благий Господи, да будешь Ты благословен!» «Если ты довольна, — сказал Господь наш, — то и Я доволен. В этом радость и блаженство и бесконечное удовлетворение для Меня, что Я выстрадал сии муки ради тебя. Ибо если бы Я только мог пострадать больше, Я бы пострадал больше».

И ей открылся плод, результат Его страдания: искупленные этой дорогой ценой, мы принадлежим Ему. Более того: «Мы являемся Его наградой, честью Его и венцом Его. Это является предметом столь великой радости для Иисуса, что Он ни во что вменяет Свое тяжкое страдание, жестокую и позорную смерть. И в этих словах: “Если бы Я только мог претерпеть больше, Я бы больше претерпел”, — я поистине увидела, что, если бы пришлось Ему каждый раз умирать за каждого человека, имеющего быть спасенным, как Он однажды умер за всех, то любовь не дала бы Ему покоя, покуда Он не совершил бы сие. И когда Он совершил бы сие, Он вменил бы сие в ничто ради любви. Ибо все кажется Ему лишь малым в сравнении с Его любовью».

И это Он мне явственно показал, сказав сие слово: “Если бы только возможно было Мне страдать больше”. Он не сказал: “Если бы нужно было страдать больше”, но: “Если бы только возможно было страдать больше”. Ибо если бы и не было *нужно*, но только *возможно* было бы пострадать больше, Он бы пострадал больше»*.

«С радостью и веселием взглянул наш Господь на Свой пронзенный бок и увидел (язву его), и сказал сие слово: “Взгляни, как Я возлюбил тебя!”»**.

Ибо Бог открывается нам прежде всего и действеннее всего как Любовь. «Хотя свойства Божественной Троицы и равны все по достоинству, но Любовь была более всего показана мне, ибо она всего ближе к нам... Господу угодно, чтобы изо всех свойств Благословенной Троицы, мы больше всего уверенности имели в Любви. Ибо Любовь склоняет к нам и Божественное Всемогущество и Премудрость». Впрочем, люди большей частью слепы и не знают, «что Он — Все — Любовь (All-Love)»***. Любовь же сия во всей беспредельности Своей раскрылась в Иисусе.

2

Величайший акт, величайшее «Откровение Божественной Любви» есть Голгофская жертва. Но та же любовь открывается и во всем отношении Бога к миру.

---

* Гл. XII.

** Гл. XIII.

*** Гл. XXIV.

Мир ничтожен и мал; он в видении представляется Юлиании крохотным шариком, величиной с орешек. Он не может удовлетворить жажды нашей души: «Все, что ниже Бога, нам не хватает». Чтобы найти истинный покой и мир и утоление «жажды» — именно в Боге, мы должны освободить, очистить душу от всего тварного: *no soul is rested, till it be noughted of all that is made*. И вместе с тем Бог *любит* этот ничтожный и безмерно малый по сравнению с Его величием тварный мир: «Он существует и будет существовать, ибо Бог любит Его». Таким образом, все имеет свое бытие чрез любовь Божию.

«В этой малой вещи», т. е. вселенной — так продолжает Юлиания, «я видела три стороны: во-первых, что Бог сотворил ее; во-вторых, что Он ее любит; в-третьих, что Он хранит ее» *. И в этом свете любви и действия Божия весь мир преобразуется для мистика, приобретает новое и великое значение и достоинство.

«Я видела... все, что Он сотворил. Оно велико и прекрасно и обширно и исполнено добра. Но причина, почему оно казалось столь малым моему взору, была та, что я его видела в присутствии Его Творца. Ибо душе, созерцающей Творца всяческих, все сотворенное представилось весьма малым». В том — великое достоинство и высочайшая ценность мира, что он есть плод Божественной любви и целью своею имеет — любовь. Бог «создал все сотворенное ради любви, и чрез любовь оно сохраняется, и пребудет всегда — в бесконечные веки, как сказано выше». Ибо «Бог есть всецелая Полнота Блага, и все благо, какое только имеется в вещах, это — Он» (*God is all-thing that is good, and the goodness that all-thing has is He*) **. Посему, «Бог находится во всякой вещи» (*He is in all-thing*), Он «все делает, даже самое малое (*God doth all-thing, be it never so little*). И поэтому ничего не совершается случайно или наобум, но лишь по безграничному предведению мудрости Божией» ***. Но это не есть пантеизм: основа всего существующего и в первую очередь нашей сущности есть Бог, истинное, исконное, самобытное существование принадлежит только Богу, и тем не менее наша тварная сущность как таковая, не есть Бог, хотя и пребывает в Боге ****.

---

* Гл. IV.

** Гл. V.

*** Гл. VIII.

**** Так говорит Юлиания по вопросу о взаимоотношении человеческого духа — высшей части нашей природы — и Божественной сущности («I saw no difference between God and our Substance, but as it were all God; and yet mine understanding took that our Substance is in God; that is to say, that God is God, and our Substance is a creature in God»). Ср. *Inge Studies of English Mystics*, 1907, стр. 71.

Бог все творит — кроме зла и греха*. Но грех и зло лишены подлинного существования; с точки зрения исконной, истинной, метафизической действительности — Божественной жизни, их нет. Поэтому Юлиания во время озарений своих не увидела греха: «ибо я думаю», говорит она, «что он не имеет никакого рода существования и не причастен бытию (it has no manner of substance, nor part of being), и не может быть познан как только по страданию, которое он причиняет»**. И в заключение своих откровений, уверившись непреложно во всепревозмогающей, победной, неиссякаемой, беспредельной силе Любви Божией, она с торжеством восклицает, обращаясь ко греху: «О, презренный грех! что ты такое? Ты — ничто! Ибо я видела, что Господь — все. Тебя же я не видела. И когда я видела, что Господь сотворил все, я тебя не видала. И когда мне было открыто, что Господь совершает все, что совершается, малое и великое, я тебя не видала. И когда я узрела Господа нашего Иисуса, как Он восседает в нашей душе с великою славою, и как Он любит, управляет и охраняет все, что сотворено Им, я не видала тебя»***. И вместе с тем в нашем условном, эмпирическом мире и зло и страдание и грех бесспорно даны и не только ощущаются весьма реально, но и являются факторами огромной, бесконечной важности для нашей духовной жизни. Юлиания не только их не игнорирует, но усиленно подчеркивает их безмерно-огромное значение: страдание очищает, воспитывает душу, с грехом же нужно, с Божьей помощью, всеми силами неумоимо бороться, предпочитая ему всяческое другое страдание и на земле и за гробом****. Проблему зла и греха, видимое противоречие, имеющееся здесь между истинной сущностью вещей и временно, эмпирически данным состоянием, которое вызвано грехопадением, проблему, над метафизическим разрешением которой так трудились, напр., Григорий Нисский, Августин и Скот Эриугена³, Юлиания констатирует*****, но не старается метафизически объяснять и решать: ее интересует только, что нам непосредственно нужно для нашего спасения, что непосредственно его касается и что практически определяет наш духовный строй —

* Юлиания употребляет иногда термин «грех» (sin) не только для обозначения чисто-нравственного зла (как, напр., в гл. XVIII-й, где грех-sin — прямо противопоставляется всему остальному страданию — pain), но и в самом широком смысле — для обозначения всякого зла вообще, всякого несовершенства и страдания: «all that is not good» (гл. XIII).

** Гл. XIII; ср. Гл. XVI.

*** Гл. XXIII.

**** Ср. Гл. XIII, XVII, XVIII.

***** Особенно в главах XIII и XIII, и passim.

наше отношение к Богу, людям и миру. «Все же остальное, что не относится к нашему спасению (all that is beside our salvation), сокрыто от нас» *.

Практические же выводы из этого учения о Божественной Любви как мировой стихии, из этого признания Бога за сущность, глубочайшую основу и цель мировой жизни, весьма велики, и Юлиания их делает. Она не может проклинать мира и видеть в нем царство дьявола, как многие представители господствующего — почти дуалистического церковного миросозерцания Средних веков **. Мир для нее — мы видели — есть творение любви Божией, в его основе лежит избыточествующая Божественная жизнь; все, что есть доброго в твари, это — отблеск Бога в творении; все в мире, кроме греха, совершается силою Божией, совершается Богом; мир «прекрасен и полон добра»; в творении, во всех вещах проявилась та же безмерная Любовь, высшим проявлением которой явилась Жертва Искупления. И охваченная этими волнами Любви, разлитыми в мире повсюду, Юлиания любит весь мир и благословляет мир, ибо чувствует в нем присутствие Бога. «Тот, кто любит своих братьев во Христе, — говорит она, — он любит и все, что существует (he loves all that is)... И тот, кто так любит, спасется. И я так буду любить, и я так люблю»... ***

Это просветление мира, это озарение его лучами любви вытекало из самых основ ликующего, победного благовестия первого христианства. Вечная Жизнь вошла в мир и воплотилась и победила смерть. В воскресении Иисуса во плоти уже дана в потенции окончательная победа жизни над царством бывания и тления, уже начался постепенный процесс преображения мира, возвращение его к Богу, восстановление всей Природы. «Смерть! где твое жало? ад! где твоя

---

* Гл. XIV.

** Ср., напр., *Innocentius III*, «De contemptu mundi» и *passim* (См. у *Migne*'а *Patrologia*, Series latina, тома 214–217), далее *Petrus Damiani*, «De contemptu seculi» и *passim* (*Migne*, т. 144 и 145), *Caesarius Heisterbacensis*, «Dialogue miraculorum», отдел V: De Daemonibus (Edit. Strange, 1851, vol. I), *Beatus Richalmus abbas*: «Liber Revelationum de insidiis... Daemonum adversus homines» (Издано в *Pezii Thesaurus Anecd. novissim*, том I, pars II) и т. д. Ср. *Карсавин*, *Очерки религиозной жизни в Италии*, 1912, гл. XI. *Его же*, *Основы средневековой религиозности*, 1915, стр. 186–188, 201–203. (Здесь же на стр. 338 и 341 и ряд ссылок), *H. O. Taylor*, *The mediaeval mind*, 1914, vol. I, гл. XVII, *Eicken Geschichte u. System der Mittelalterlichen Weltanschauung*, 1887, (Русск. перев. *Эйкен*, *История и система средневекового миросозерцания*, 1907 г. См. также *G. Roskoff*, *Geschichte des Teufels*, I-er Band, 1869; Art. *Graff*, *Il diavolo* (или немецк. перевод: *Geschichte des Teufels*, 1893). Ср. мою работу: «Просветление мира и жизни в мистике». Варшава, 1935.

*** Гл. VI.

победа?» — восклицает Павел (1 Кор. 15: 55) и учит о грядущем прославлении, реабилитации всей твари (Рим. 8: 19–22), когда «Бог будет все и во всем» (1 Кор. 15: 28). Но уже и теперь, при свете безмерной любви Божией, открывшейся в Сыне, в муках, смерти и воскресении Сына, все мирозерцание озаряется радостью: пусть мир еще «во зле лежит» (1 Ин. 5: 19), но «*всегда радуйтесь!* непрестанно молитесь, за все благодарите», — возвещает Павел*. Эта радость заливает душу первых носителей «благой вести», она отмечается ими как отличительная черта этой проповеди о победе Вечной Жизни; «чадами радости» называют себя первые христиане**, они радуются мукам и гонениям, они с радостью живут и с радостью умирают. И снова и снова, когда в последующих веках с особым подъемом пробуждается мистическая жизнь в христианстве и Бог с новой силой раскрывается жадно ищущим душам в центральном образе Иисуса Христа-Богочеловека как безмерная и бесконечная Любовь, все мирозерцание озаряется для них лучами любви и радости***. Для Франциска Ассизского все твари, вся Природа — братья и сестры, одна большая семья, охваченная объятиями Божественной любви, и он поет радостный гимн брату-солнцу. «Лестницей Божественной любви» — «Scala divini Amoris» — является вся Природа для другого средневекового мистика: так, во всех стихиях и во всех тварях — говорит он — звучит мелодия Божественной песни (melodia de cant), и «одно из величайших чудес в нынешнем веке — это, что моя душа не умирает и не выходит из себя, когда слышит, как небеса и земля оглашаются этими звуками»... Бог и мир охвачены как бы одной чередующейся песнью: «Итак, Бог начинает Свою balada и говорит: “Любовь”! (Amors!), и все твари отвечают: “Ты сотворил нас!” И про эту doussa ballada (“сладостную балладу”) говорит mosenher san Iohan Evangelista, что он слышал, как ее пели все твари на земле и на небе, и в воде: “Любовь, Ты создала нас, чтобы любить!” Это — четвертая ступень для человека, чтобы взойти в чертог любви: именно, когда душа от великой сладости тех звуков, что производят все твари, вос-

* 1 Фес. 5: 16–18; ср. Флп. 4: 4; 3: 1; 2 Кор. 13: 11 и сл. 6: 10; Ср. также, напр., Деян. 3: 41, 13: 52; Иак. 1: 2; I Петр. 1: 8; Ин. 15: 11 и т. д.

** Послание *Варнавы* 7; ср. Hermae «Pastor», Mandatum XI. 2–3 и т. д. Подробнее об этом настроении светлой радости в раннем христианстве см. в *моей* книге «Античный мир и раннее христианство» (последняя глава), а также, напр., у Glover'a, The conflict of religions in the early roman empire, 1911 г., стр. 165–166.

*** Ср. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», Казань, 1884 г. (Рассказ 4-й, стр. 93). *Флоренский* «Столп и утверждение истины», 274–318. Особенно *Исаак Сириянин* (Слово 48).

хваляя Господа... приходит в такое восхищение, что не видит, не слышит и не чувствует, ибо забывает себя самое и помнит лишь Господа» *. Так и Якопоне да Тоди восклицает: «O amor, divino amore — perche m'hai assediato? — О, Любовь, Божественная Любовь, почему Ты со всех сторон осадила меня?» Некуда бежать, некуда скрыться от нее; отовсюду, изо всех тварей, через все телесные чувства, через все восприятия и ощущения, поражают его стрелы Божественной Любви **. И в глазах Данте тварный мир, земная красота просветляются: в них просвечивает первоисточник — вечный Свет (l'eterna luce), творческая изначальная Любовь (l'eterno Amore) ***. Сиянием этой любви мир озаряется, напр., и для Мейстера Экхарта и для Анджелы из Фолиньо ****. Так и в глазах великого испанского мистика Juan'a de la Cruz все творения полны отблесков красоты Возлюбленного *****.

3

В ощущении присутствия Божия в мире, более того — в созерцании всего мироздания покоящимся в лоне Любви Божией, Юлиания из Норича сходится с величайшими мистиками Средних веков 6*. Но она не останавливается на этом, она идет еще дальше.

* «Scala divini amoris» (Провансальский мистический трактат 14-го века) hersggb. von De la Motte, 1902.

** Lauda LXXXII: «Come l'anima trova Dio in tutte creature per mezo de sensi (Iacopone da Todi, Le laude — в серии «Scrittori d'Italia», 1915).

*** *Parad.* V, 8–12; X, 1–3 ср. *Parad.* XXIX, 13–18; XXXIII, 45; 1, 74.

**** Ср. «Откровения» Анджелы (в русском переводе проф. Карсавина. «Библиотека мистиков», Москва, 1918 г. См. стр. 114, 106, 258–9, 274–5; ср. введение проф. Карсавина, стр. 20, 26, 28–29, 31–33). Ср., напр., след. из проповедей Экхарта: «Об исхождении духа»... «Царство Божие близко» и др. (в русском переводе Сабашниковой избранных произведений Экхарта, Москва, 1912 г.; средне-верхне-немецкий текст Экхарта издан Pfeiffer'ом: «Deutsche Mystiker des 14 Jahrhunderts», 1857).

***** Juan de la Cruz «Cántico espiritual» (Obras, edicion critica, 1912 г. том II, стр. 198); ср. мои брошюры: «Голос любви», Москва, 1916 г. стр. 8 и «Мистицизм и лирика», СПб., 1917, стр. 17–18. Juan de la Cruz по времени уже принадлежит к эпохе Возрождения, но корни его мистики и ее характер обусловлены средневековой церковно-мистической традицией, и всецело проникнуты тем же духом. Ср. *Никита Стифат*, Первая десят. глав сотница 90, (Добротолубие, изд. 2-ое, М., 1900, т. 5, стр. 107); 3-ье сотн., 72 (Ibid, 155–6).

6* Не говоря уже об изумительной книге так называемого Дионисия Ареопагита: «О божественных именах». Она полна восторженным восхвалением Божественной Любви, сотворившей мир и любящей Свое творение (особ. гл. IV, 10–17), и воплотившейся в лице Иисуса. Эта любовь Божия, Его красота и сила проявляются в творении. Бог, при всей Своей трансцендентности, невыразимости,

Мы видели, что из христианского благовестия о воплощении, явлении миру Вечной Жизни в лице Иисуса, об Его крестном подвиге и Его воскресении во плоти вытекала торжествующая уверенность в *окончательной победе Жизни*, в сокрушении царства тления, в принципиально состоявшейся уже отмене бездушного, неизменного натуралистического status'a quo мира (которого не смог преодолеть и платоновский идеализм)*. Ибо начаток новой жизни уже дан — в факте воскресения, а всецело раскроется она в грядущем царстве славы, в искуплении, прославлении всей твари. И Павел — мы видели — учит, что «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: ибо тварь покорилась тщете не добровольно, но... в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тления в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8: 19–21). Нет пределов, нет препоны величию и силе и благодати Божией**.

Так верит и Юлиания. Наряду с ничтожеством, метафизической ложностью и несущественностью зла и греха ей открылось его грядущее полное упразднение и уничтожение, открылась великая тайна изначальной, всепревозмогающей Любви: конечное восстановление и возвращение к Богу всего существующего, всех тварей, созданных Любовью, имеющих в ней и свою исходную точку и свою конечную цель. В ответ на ее сомнения и тревожные вопросы Господь открывает ей Свою волю относительно будущих судеб мира: Он хочет и Он может привести все вещи ко благу, и Он сделает сие. «И ты сама увидишь, что все вещи будут приведены ко благу» («and thou shalt see thyself that all things shall be well»). «И таким образом найдет удовлетворение *духовная жажда Христа*. Ибо сия духовная жажда Его есть жажда любви» — нашей любви к Нему («For this is the ghostly thirst the love — longing»). «Ибо мы будем тогда спасены, и будем тогда ра-

---

недоступности, вместе с тем и близок к нам, Он присутствует в мире (См. особ. гл. 1: 4; 4: 10; 5: 9–10; 11: 2 и т. д.).

Близость Божию, действительное присутствие Его ощущают в мире и великие мистики позднейших времен, так, в первую очередь Яков Бёме, далее, напр., Джордано Бруно в своем трактате «*Degli eroici furori*», а из более нового времени ср., напр., мистические «Фрагменты» Новалиса или «Беседы» старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» («О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным»).

Ср. по сему поводу мою работу «Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения», главным образом первую вступительную главу о Джордано Бруно, и *passim* («Журн. Министерства Нар. Просвещ.», 1913 г. январь и февраль).

* См. об этом, напр., мою работу «Мистический идеализм в древней Греции», Варшава. 1927.

** Ср. 1 Кор. 15: 28.

достью Христа и восполнением Его блаженства... В том то и состоит эта жажда — неполнота Его блаженства, что Он еще не имеет нас в Себе так же всецело, как будет иметь нас тогда» *. И страдание и даже грех теряют свой ужас: в грехах мы покаемся, и они будут прощены, и все сие послужит лишь средством к достижению желанной цели. Ибо великая любовь Божия загладит, исцелит наши грехи; но следы их останутся видимы в очах Божиих, и не предметом позора они уже будут, а причиной смирения и радования для нас и еще большего благодарственного прославления великой восстанавливающей Любви **.

Господь «утешает нас, — пишет Юлиания в другом месте, — охотно и сладостно словами Своими и говорит: “Все будет хорошо, и все вещи, какие только есть, будут приведены ко благу” (“But all shall be well, and all manner of things shall be well”). Слова сии были показаны с великой любовью, безо всякого упрека ко мне или к кому-либо, кто будет спасен. Поэтому великой неблагодарностью было бы от меня роптать на Господа или дивиться тому, что Он попустил мне грешить, раз Он Сам не упрекает меня за мои грехи» ***. Ибо нет гнева и ярости в Боге, гнев есть только в человеке, и Бог прощает нам его; невозможно сказать, что Бог гневается, — это было бы в противоречии с любовью и миром; в Боге же — высокая, дивная благость и любовь ****. «Благодать Его обращает наше тяжкое прегрешение в преизбыточествующую, бесконечную усладу, и наше позорное падение — в славное восстановление; и нашу скорбную кончину — в святую и блаженную жизнь» *****. И еще: «Сначала, когда я видела, что Бог совершает все, что совершается, я не видала греха; и я видела, что все — хорошо. Но, когда Господь потом показал мне грех, Он сказал мне: «Все будет хорошо» 6*. Юлиания могла бы поэтому воскликнуть вместе с апостолом Павлом: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Жало же смерти — грех... Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!» (1 Кор. 15: 55–57). Но каким образом и как скоро произойдет это «восстановление всяческих», это «дело, которое благословенная Троица совершит в последний день?» — Об этом не дано знать твари. Одно только еще говорит Юлиания: тварь тогда прозрит и изумится и смиренно скло-

---

* Гл. XV.

** «Though he be healed, his wounds are seen before God, not as wounds, but as worships», гл. XVII (Ср. гл. XIII, XIV).

*** Гл. XIII.

**** См. Inge, *Studies of english mystics*, стр. 67.

***** См. Inge, *I c.*, стр. 65, 66.

6* Гл. XVI.

нится перед совершенным откровением любви Божией. «Тогда никто из нас не почувствует желая сказать: “Господи, вот если бы было это так, то это было бы вполне хорошо”; но мы все скажем в один голос: «Господи, да будешь Ты благословен: ибо так, как оно есть сейчас, оно хорошо. И теперь мы поистине видим, что все содеяно так, как оно было предназначено прежде основания мира»*.

В «Откровениях» Юлиании из Норича мы имеем яркое выражение веры в конечную полноту победы Божественной Любви над грехом и злом, веру в ее всепревозмогающую, не знающую преград и препон, всеобъемлющую, все-восстанавливающую силу. Учение о «восстановлении всего» — и мира, и человека, не было официально признанным учением Церкви; мало того — взгляды Оригена на этот предмет подверглись осуждению на поместном соборе. Однако в основе своей это учение, данное уже в некоторых выражениях посланий Павла, часто воспринималось и воспринимается как органический и необходимый вывод из благовестия об откровении Вечной Жизни и о Любви Божией. Неученая и смиренная Юлиания стоит здесь в идейном преемстве с рядом великих учителей Восточной и Западной Церкви: Оригеном, Григорием Нисским, Максимом Исповедником, Иоанном Скотом Эриугеной**.

Но уяснилось это ей не из богословских изучений и изысканий и не из знакомства с творениями какого-либо из сих великих учи-

* Inge, I с., 63, 64.

** Главные места в «De principiis» Оригена о «восстановлении всяческих», кн. I, гл. 6-ая и кн. III, конец 5-й и 6-ая глава (=Migne, Patrolog. series graeca, t. XI, col. 165–170, 331–341; ср. далее coll. 176, 239, 326, 329). Русский перевод «De principiis» — «О началах», издан Казанской Духовной Академией (1899 г., см. стр. 64–73, 80, 168, 280, 284–302).

Григорий Нисский, учит в следующих своих произведениях об *апокатастасе* («In Cor.» XV, 28 sgg.; 2) «Oratio catechetica magna», с. VIII, с. XXVI, с. XXVII, с. XXXV, с. XXXIX, с. XL; 3) «Sermo adversus Arium et Sabellium»; 4) «De anima et resurrectione Dialogue»; 5) «De Mortuis». Ср. E. Michaud «St. Gregoire de Nysse et l'Apocatastase» («Revue Internationale de Theologie», X année, 1902, стр. 37–52) Далее, напр., А. Мартынов, Учение св. Григория, еп. Нисского, о природе человека, 1886 г., стр., 345–386. В. Несмелов. Догматическая система св. Григория Нисского, Казань, 1887 г., стр. 574–584, 606–635.

У Максима Исповедника весьма часто высказывается учение о восстановлении всей падшей твари силою Божественной любви. Сводку всех мест дает E. Michaud в статье «St. Maxime le Confesseur et l'Apocatastase» (в «Revue Internationale de Théologie», X-année, 1902 г., стр. 257–272).

Относительно *апокатастасис*'а в системе Иоанна Скота Эриугены, у которого взгляды по этому вопросу несколько колеблются, см. А. Söckl. Geschichte der Philosophie des Mittelalters, 1864 г. 1, стр. 129 сл. Бриллиантов... Иоанн Скот Эриугена. СПб., 1898.

телей, которых она, по всем вероятностям, и не могла знать, а из внутреннего мистического восприятия Бога как Любви. Любовь эта открылась ей в безмерном страдании Богочеловека, в личности Христа, который пострадал из любви, чтобы спасти человека. Неужели же эта жертва хотя бы отчасти останется бесплодной? Из той же любви Бог и сотворил мир, и хранит и блюдет его, и все вернет очищенным и возрожденным и проникнутым той же единой любовью в Свое лоно. «Откровение Любви» — вот поистине подлинный смысл всего мистического опыта, всех видений и откровений Юлиании. И она это вполне уразумела к концу тех 15–20 лет, что она усиленно обдумывала значение всего показанного ей Господом (прежде еще чем она записала свои откровения). «И пятнадцать лет спустя, или более, я получила ответ во внутреннем уме своем, и он гласил так: “Желала ли бы ты знать, что имел в виду, что разумел Господь твой в сем откровении? Знай же сие твердо: Он разумел любовь. Кто показал тебе сие? — Тот, кто — сама Любовь. Что показал Он тебе? — Любовь. Ради чего Он сие показал тебе? — Ради любви”*. Итак, держись сего, и ты все больше будешь познавать, и все больше проникать в сие. И никогда ничего другого ты не увидишь здесь, во веки». Таким образом я познала, что Господь наш разумел любовь, смысл откровения Его — любовь: «Thus was I learned that Love was our Lord’s meaning».

4

Перейдем к личности Юлиании. Биографических данных нам известно крайне мало **. Она была затворницей в келье, что была пристроена к стене древней, еще норманнской, церкви св. Юлиании близ Норича (в Норфолке). Церковь существует и поныне; от кельи, в которой с конца XIV по первую половину XVI века сменилось несколько поколений затворниц, остались лишь следы фундамента ***.

---

* «Wouldst thou learn thy Lord’s meaning in this thing? Learn it well: Love was His meaning. Who showed it thee? — Love. What showed it thee? Love. Wherefore showed it He? For Love».

** О личности и биографии Юлиании см. введение *Miss Warrack* к ее изданию «Откровений Божественной Любви», далее Inge, I, с. 49–61, и краткое введение Harford’a к его изданию текста Юлиании (1911 и 1912 гг.).

*** Вообще, в средневековой Англии затворническая жизнь была довольно распространена среди благочестивых женщин, ищущих спасения души; для трех таких затворниц было, напр., составлено по-видимому в конце XIII века — духовное руководство «Ancren Riwle» («Правило для отшельниц»), чрезвычайно интересное с религиозно-исторической и культурно-исторической точки зрения, а также как образчик весьма ранней английской прозы (См., напр., Inge, I с. стр. 40–49).

В этой келье и имела Юлиания свои «откровения» в 1373 году, тридцати лет от роду, когда ее постигла весьма тяжелая болезнь. Лишь лет через 20 — приблизительно в 1393 году — записала она по памяти свои мистические озарения, углубленные и отчасти восполненные долгими размышлениями в течение последующих 20 лет и дальнейшим мистическим опытом (не принимавшим уже, однако, столь яркого, столь потрясающего душу выражения, как 20 лет перед тем). Этим и объясняется, должно быть, существование двух редакций ее книжки — одной, более пространной (приблизительно на 1/4 текста), воспринявшей значительную часть и этих позднейших размышлений, — и другой, более краткой, стремящейся ограничиться первоначальными озарениями. В общих им обоим частях (составляющих приблизительно 3/4 пространной версии) оба текста весьма близки друг другу. Мы знаем далее, что Юлиания прожила еще долго: более краткая рукопись в заметке от переписчика говорит, что Юлиания в 1442 году была еще жива; ей было бы 99 лет (если только не следует вместе с издателем краткого текста Dundas Harford'ом читать МСССХIII — 1413 г. — вместо МСССХLII — 1442; в 1413 году Юлиании было 70 лет). Обозначение Юлиании как Lady Julian указывает на ее, по-видимому, благородное происхождение. Что касается ее образования, то она сама называет себя «простым существом, не обученным книжности». Но Inge справедливо замечает, что если это и верно по отношению ко времени ее откровений, то 20 лет спустя, когда она их записывала, она, судя по некоторым более отвлеченным выражениям, по-видимому, приобрела уже некоторое знакомство с богословским языком и богословской мыслью своей эпохи*.

На личности Юлиании не буду останавливаться: она так ярко выступает из всей книжки ее «Откровений». Отмечу лишь глубокое смирение и трезвенность духа: она не стремится иметь никаких особых откровений от Господа, а лишь живет восчувствовать крестные муки**; когда она видит свежую кровь, капающую из под тернового венца на распятии, она дивится, что Бог так снисходит к такому грешному, как она, созданию***. И все последующие откровения Божественной Любви лишь увеличивают ее глубокое сознание своего ничтожества и недостойнства. Не по ее заслугам открылось ей это. «Ибо поистине это было показано мне не потому, чтобы Бог любил меня больше, чем малейшую из душ, что пребывает в благодати.

---

* Inge, I c., стр. 51 (ср. подробную редакцию в издании Miss Grace Warrack).

** Гл. III; ср. гл. 1.

*** Гл. III.

И я уверена, что весьма много таких, что никогда не имели никакого откровения или видения, а получили лишь общее для всех научение Святой Церкви, и которые между тем любят Бога более, нежели я*.

Следует отметить и мужественно-сознательную, активную нравственную тенденцию, проникающую всю духовную жизнь Юлиании. Она не страшится подвига и страдания: мало того — она жаждет всеми силами пострадать вместе со Иисусом и молит Бога, как о величайшей милости, об участии в Его муках. Она уверена, что грех будет в конец исцелен, уничтожен, что он в конечном результате является лишь поводом для еще большего проявления, для еще большего торжества и возвеличения безмерной, всепревозмогающей Любви. И однако она ненавидит грех как удаляющий душу от Бога, она предпочитала бы греху все самые тяжкие страдания на земле и за гробом**.

И вместе с тем — мы видели — ее душу заливают волны любви к распятому ее Спасителю и Богу, а чрез Него и ко всем «братьям во Христе» — ко всем людям и ко всему миру***. Поистине «Откровения Божественной Любви» были показаны любящей и жаждущей этой Любви душе. «Я — то, что ты любишь; Я — то, чему ты служишь; Я — то, по чему ты томишься; Я — то, чего ты жаждешь», — так «многократно говорит» ей «Господь наш Иисус»****. И она видит Его Царем своей души, восседающим в душе ее на престоле*****.

Из этой любви вытекает та «совершенная радость», о которой Иисус говорил еще Своим ученикам в прощальной беседе перед муками: «Сие сказал я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенная»^{6*}. «Господь желает, — пишет Юлиания, — чтобы мы с готовностью внимали Его сладостному учению, более радуясь Его всеобъемлющей любви (His whole love), чем печалясь о наших прегрешениях. Ибо из всего того, что мы можем сделать, сие есть величайшее прославление Его (most worship to Him), чтобы мы, ради Его любви, жили с радостью и веселием среди наших испытаний»^{7*}.

---

* Гл. VI.

** Гл. XVIII; ср. гл. XXIII.

*** Ср. гл. VI.

**** «I it am that thou loves. I it am that thou likes. I it am that thou serves. I it am that thou longs for. I it am that thou desires. I it am that thou means. I it am that is all», гл. XIII.

***** Гл. XXII.

^{6*} Ин. 15.11.

^{7*} Подробная редакция. Приведено у Inge'a, 1. c., стр. 61.